

ПУШКИНСКАЯ ТАТЬЯНА В РЕЦЕПЦИИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

М.А. Александрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия;
nat-s-toboi@mail.ru*

Аннотация: Задачей статьи является постановка вопроса о значении пушкинских впечатлений для поиска образа идеальной женственности в творчестве Окуджавы. Главный объект осмысления — повесть «Новенький как с иголки» (1962), которая интерпретирует преподавательский опыт автора, полученный в начале 1950-х годов. В статье показано, как Окуджава трансформирует биографические факты, приближая историю несостоявшейся любви учителя и ученицы к онегинской модели: художественный мир повести организован с помощью разветвленной системы аллюзий к пушкинскому роману, герои предстают читателями «Евгения Онегина» и действующими лицами вечной коллизии. Характер самоопределения Окуджавы в современном ему культурном пространстве раскрывается в ходе анализа полемики писателя с актуализацией образа Татьяны Лариной, типичной для учебно-методической мысли и школьной практики начиная с консервативного поворота во второй половине 1930-х годов. С учетом данного фона и школьной традиции «литературных судов» рассмотрен ключевой эпизод повести — урок, посвященный образу Татьяны; выявлена роль этого события в истории воспитания чувств главной героини как двойника Татьяны. Осмыслена концепция повторяемости судеб, реализующая понимание Окуджавой философского смысла онегинской коллизии. Особое внимание уделено поэтике образа новой Татьяны: мечты и фантазии персонажа-рассказчика делают героиню его воображения, вполне земную, столь же недостижимой, как блоковская Прекрасная Дама. В финале статьи обозначены этапы творческой рефлексии Окуджавы по поводу пушкинского «милого идеала», что намечает перспективу продолжения исследования.

Ключевые слова: Пушкин; Окуджавы; «Татьяны милый идеал»; онегинская коллизия; рецепция; диалог

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-01-4

Для цитирования: Александрова М.А. Пушкинская Татьяна в рецепции Булата Окуджавы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 1. С. 48–57.

PUSHKIN'S TATIANA AS PERCEIVED BY BULAT OKUDZHAVA

Maria A. Aleksandrova

*Linguistics University of Nizhny Novgorod (LUNN), Nizhny Novgorod, Russia;
nam-s-toboi@mail.ru*

Abstract: The article considers the role of inspiration derived from Pushkin's novel in verse for an image of perfect femininity in Okudzhava's works. The main object is the story *Brand New* (1962), which interprets the author's teaching experience gained in the early 1950s. We show how Okudzhava transforms biographical facts, bringing the plot of failed love between a teacher and a schoolgirl closer to Onegin's model: the writer creates the fictional world with allusions to Pushkin's novel, presents his heroes as readers of *Eugene Onegin* and characters of the eternal collision. We clarify Okudzhava's attitude to the current cultural context by reconstructing the logic of the writer's polemics with the image of Tatiana Larina, presented in educational and methodological thought and school practice since the reorientation to conservatism in the second half of the 1930s. Taking into account this background and the school tradition of "literary courts", we consider the key episode of the story — a literature lesson dedicated to the image of Tatiana Larina: we identify the role of this event in the sentimental education of the main character, and characterize the author's concept of the recurrence of fate. We pay special attention to the poetics of the image of "new Tatiana": the dreams and fantasies of the narrator make the heroine of his imagination as unattainable as Blok's Beautiful Lady. At the end of the article, we outline the stages of Okudzhava's creative reflection on Pushkin's "dear ideal", thereby determining the perspective of the study.

Keywords: Pushkin; Okudzhava; "the dear ideal of Tatiana"; Onegin collision; reception; dialogue

For citation: Aleksandrova M. (2025) Pushkin's Tatiana as Perceived by Bulat Okudzhava. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 48–57.

Пушкиниана Булата Окуджавы активно изучается на протяжении четверти века, но вопрос о рецепции образа Татьяны в связи с поисками образа идеальной женственности до сих пор не был поставлен. Между тем эта грань творческого диалога Окуджавы с Пушкиным — одно из интереснейших явлений среди постклассических откликов на роман «Евгений Онегин».

Повесть «Новенький как с иголочки» (1962) считается автобиографической: место действия обозначено реальным топонимом (деревня Шамордино Калужской области), совпадает дата начала работы в школе автора и героя (1950), их возраст, фронтовое прошлое. С другими фактами Окуджавы обошелся весьма свободно. В реальности он начал учительствовать вместе с женой, однокурсницей по филологическому факультету, а персонаж-рассказчик

сделан одиноким; героиня сохранила от прототипа только внешний облик и положение старшекласницы. Н. Эйдельман в дневнике за 1975 год кратко пересказал устную новеллу Окуджавы о его платоническом увлечении в Калуге «красивой, преглупой и пребедной ученицей» вечерней школы, мечтавшей стать актрисой кино, «и он подумал — как грустно: Тамара Сёмина» [Эйдельман 2003: 112–113]. Грусть сублимирована в художественном вымысле: история несостоявшейся любви учителя и ученицы, перенесенная из города в деревенскую глушь, приближена к онегинской модели. Герои повести выступают читателями «Евгения Онегина» и действующими лицами вечной коллизии.

«Еретический» характер литературной параллели явствует из контекста культуры 1960-х. Такое завоевание оттепельной литературы и кинематографа, как право изображать любовь старшекласницы к учителю, было ограничено строгим условием: учитель не вовлечен в любовную драму даже помышлением. Поэтому герой киноповести Г. Полонского «Доживем до понедельника» (1967) лишь через годы узнает тайну ученицы, хорошо известную другим: «Забыл, как сам жаловался, что ее глазищи мешают тебе работать?.. Как уставятся молитвенно...» [Полонский 1970: 23]. Окуджава не облегчает положение своего персонажа «близорукостью».

С опасливым взглядом на «несвоевременную» любовь коррелировали дидактические прочтения «Евгения Онегина». *Татьяны милый идеал* объективно расходится с советским каноном женственности, а в ту пору, когда Окуджава преподавал литературу, контраст был особенно велик, но «после получения правильной идеологической интерпретации» классических женских образов «школьницам предстояло стать правильными во всем» [Васильева, Козлова 2016: 186]. Учебник, по которому будущий писатель, а затем его собственные ученики осваивали школьный курс литературы, превозносил Татьяну за «серьезное, вдумчивое отношение к жизни и к людям, глубокое чувство ответственности за свое поведение, взгляд на жизнь как на нравственный подвиг, требующий строгой выдержки и самоотвержения» [Поспелов, Шаблиовский 1939: 285]. Монументализация образа *бедной Тани*, отвечавшая духу пуританизма 1930-х, позднее корректировалась минимально [Павловец 2019]. Поскольку старшекласницам не подобало томиться над *опасной книгой, сгорающей негой и тоской*, «неудобные» черты героини затушевывались.

В повести Окуджавы Татьяна раздваивается на скучную образцовую фигуру из учебника и реинкарнацию пушкинской героини, семнадцатилетнюю Веру. Смысловой ореол женского имени формируется как прямой отсылкой к лермонтовской паре «Печорин — Вера», соотнесенной с четой «Онегин — Татьяна», так и автореми-

нисценцией: «Вот стоят у постели моей кредиторы / молчаливые: Вера, Надежда, Любовь» [Окуджава 2001: 184].

«Онегинскую» ситуацию формирует само появление в деревенской школе выпускника университета. Эквивалент великосветской неотразимости Онегина — облик новенького, обсуждаемый всей округой: «какой красивый»; «усики черные, и вообще брюнет...» [Окуджава 1989: 308, 309]¹. Восьмиклассники, пропустившие из-за войны два школьных года, оказываются ровесниками Татьяны. Неизбежно завязывается драма той, чья душа ждала... кого-нибудь. Вера, слышущая способной ученицей, получает от своего Онегина уроки особого рода: она понимает, что Пушкин писал для нее и про нее, когда учитель читает перед классом «Я вас любил...». Татьяна заимствовала язык чувства из европейских *сладостных романов*, Вере помогает осознать саму себя пушкинское слово. И хотя заговорить на этом языке ей не дано, объяснение в любви происходит «по Пушкину». Во второй учебной четверти герой повести получает коротенькое письмо:

Снег идет. <...> Он белый, как бумага, на которой написаны эти слова, **простые и таинственные**²:

«...поздравляю вас с праздником.
Ваша ученица».

Праздники давно прошли. Письмо опоздало. И почерк изменен. Это сразу видно [318].

Письмо опоздало к ноябрьским праздникам, чтобы подоспеть к началу «Татьяниной» зимы. Учитель сразу узнает руку Веры по характерному начертанию одной буквы:

Мне не надо быть следопытом, чтобы не сбиться. Эта буква словно синий четкий след на белом снегу, по которому можно идти до самых дверей. Там — высокое крыльцо, запорошенное снегом, дверь, плотная и отполированная временем. Там — сени, в которых бродит знакомый запах первого тепла, бедности и **ожидания** [318].

Под напором обращенных к нему ожиданий учитель вспоминает о своем «онегинском» возрасте: «Меня учили быть решительным, учили... **В двадцать шесть лет пора бы уж, а?**» [323]. Он расспрашивает о Вере ее подругу, и та невольно дорисовывает портрет Татьяны:

— Чего она грустит всё?
— А влюбилась...
<...>

¹ Далее текст цитируется по изданию 1989 года с указанием только номера страницы.

² Шрифтовое выделение в цитатах принадлежит (за исключением специально оговоренных случаев) автору статьи.

- Не любит он ее?
- Не замечает.
- Другого найдет. <...>
- Не, она исплачется вся.

Исплачется... Позову ее... **Книги предложу почитать...** Пока будет выбирать, буду с нею разговаривать... **Я сам виноват, она меня не знает...** [323]

Чтобы узнавание состоялось, учитель собирается руководить «чтением Татьяны» и погружается в *сладостный, безгрешный сон*. Позднее (единственный раз) его кольнет «тщеславие Онегина»; собравшись по окончании учебного года покинуть деревню и представляя, как позовет Веру уехать с ним, учитель спохватывается: «Надо мною же смеяться будут там, в Москве...» [349].

Несбыточность их союза мотивирована целой системой обстоятельств, что восполняет отсутствие конкретных разлучающих событий, функционально подобных дуэли. На фоне пушкинского романа житейские подробности выглядят особенно травматичными для живой души. Соседи Лариных после первого визита Онегина принялись «Шутить, судить не без греха, / Татьяне прочить жениха»; школьные сплетники буквально сводят учителя с ученицей, подсказывая коллеге, что «в деревнях взрослеют рано» [318]. Онегин и Татьяна после объяснения в саду «Явились вместе, и никто / Не вздумал им пенять на то»; герой повести чувствует себя выставленным на всеобщее обозрение:

- ...Я иду с Верой днем мимо домов!.. Учитель чертов!..
- Разговоры всякие идут, — сказал мне вчера Шулейкин [325].

Всё вынуждает учителя подавлять «онегинские» грезы: и невозможность остаться наедине с самим собой, и грубая, оскорбительная карикатура на его запретное чувство — похождения директора школы Шулейкина, который то пытается залезть в окно к матери Веры, то соблазняет простодушную восьмиклассницу (ту самую, что страдает влюбленной подруге). Особый драматизм положения Веры заключается в том, что открытие пушкинской поэзии, соединившее эстетическое и любовное переживание, делает ее беззащитной перед наблюдательностью ровесников. Слезы, вызванные чтением «Я вас любил...», тут же прокомментированы: «— Влюбилась, — смеется Абношкин» [321].

На стадии кульминации «онегинская» коллизия осложняется испытанием ценностей пушкинского мира.

В присутствии недоброжелательной комиссии учитель тщетно пытается имитировать верность школьной догматике. Восьмиклассникам полагается рассказывать, как Татьяна Ларина «любит свой

народ, и как она вообще незаурядна и прекрасна, и как жалка рядом с ней ее сестра Ольга», и что Татьяна — «натура богатая, мягкая, широкая, но решительная в нужный момент» [326], и что «Татьяна противопоставлена Онегину, человеку слабому и никчемному» [328], и что потом, когда Онегин одумается, «величественная, как королева, и недоступная, как небо, Татьяна отвергнет его...» [328]. Такой урок близок «литературному суду» — изобретению советской школы; по законам жанра Онегин обречен на роль подсудимого. Но из-за строптивости великовозрастного ученика «под судом» оказывается образцовая героиня, сотворенная методистами в самозваном соавторстве с Пушкиным: Саше Абношкину, «видите ли, не нравится Татьяна Ларина! Пленительный образ русской женщины, самая яркая фигура в галерее образов, созданных великим русским поэтом Пушкиным. Не нравится» [328], потому что (заявляет максималист) она «Онегина вроде любила, а с другим жила...» [329].

Парадокс в том, что эскапада, повергшая в шок педагогическую комиссию, воспроизводит тезис «учителя учителей» [Волгин 2011] Белинского: «Вечная верность — кому и в чем? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безнравственны...»³ Проблема, возникавшая при использовании текстов Белинского для «ясного, внятного и желательно однозначного толкования “священных текстов”» [Волгин 2011], разрешалась по законам советского двоемыслия: всё, что мешало культу Татьяны, следовало «забыть». Выход учителя из чужой игры сопровождается тайным ликованием («Ай да Абношкин! Если бы ты знал, что ты сделал» [329]) и позволяет проявить великодушие к «подсудимой»: «И мне даже жаль становится Татьяну Ларину, которой произнесен приговор вот этим пареньком, а мною — подписан. Мне жаль ее, словно она, живая, стоит передо мною и просит снисхождения, отсрочки. Для нее ведь это так неожиданно! Она привыкла к поклонению» [330].

Реабилитация Татьяны происходит благодаря ее двойнику. Когда весь класс, избавленный выходкой Абношкина от учебной скуки, хохочет, «Вера Багреева не смеется. Она смотрит в пол, словно **смеются над нею**» [329]. Еще недавно она была подобна Татьяне, убегающей при появлении Онегина, едва не падающей в обморок на имениях; теперь наступает пора *властвовать собою*. История воспитания чувств героини развивается от одной пушкинской вехи к другой, а в конце своего последнего школьного года она готова принять «решение Татьяны». Мать Веры в присутствии учителя

³ Курсив принадлежит Белинскому.

говорит нарочито небрежно: «Кажется, Верку сватать приехали» [348]. Сватовство остается предположительным, но между участниками «онегинской» коллизии пролегает незримая черта, причем как раз накануне исчезновения формальной преграды. Новый статус героини означает, что ею исчерпаны возможности брать жизненные уроки у нового Онегина. Вслед за Пушкиным Окуджава подчеркивает «рифму» женских судеб в разных поколениях одной семьи, усиливая внутреннее сходство дочери с матерью. Отец Веры сгинул в лагерях, и красавица-вдова, верная памяти мужа, ни с кем не откровенничает, никому не позволяет себя жалеть: «Она женщина железная» [349]. Очевидно, что новая Татьяна воспринимает свое замужество как аскезу, подобие вдовьей доли — жизнь без счастья.

Напротив, учитель (как истинный Онегин) порывается ускользнувшее счастье вернуть: «**Но почему кто-то другой?..** Да разве меня это касается?.. Я же не влюблен... Ах, просто странно: **почему кто-то другой!..**» [349]. Вопросы адресованы Татьяне, которая *другому отдана*. Воображение рисует смелое вмешательство в *неосторожное* решение героиней своей судьбы: «А может, пойти туда и спокойно, **как Печорин**: “Вера, я пришел за тобой...”» [349]. Напоминание самому себе о Печорине — отзвук классического сравнения двух героев времени (Белинский писал: «Не таков Печорин. Этот человек <...> не апатически несет свое страдание...»), но альтернативная развязка соответствует убеждению Татьяны, что *счастье было так возможно...* Учитель явственно слышит произнесенные слова:

— Я знала, что ты придешь... Хотя и говорили все, что **не ровня я тебе**, чтоб не ждала...

— Чепуха это, не ровня!.. [349]

Страстное отрицание героями взаимной «инородности» не упраздняет ее реальности. Контекстуальный смысл воображаемого диалога дает основание говорить о внимании Окуджавы (тонкого интерпретатора-интуитивиста, чьи прочтения зачастую сближались с концепциями выдающихся филологов⁴) к принципиальной неразрешимости любовной коллизии «Евгения Онегина».

«В том, как разворачиваются в пушкинском романе <...> **несопадающие точки зрения**» действующих лиц, «заключается основа его конструктивного своеобразия»: стремясь к художественной целостности, Пушкин в то же время озабочен тем, «чтобы расчлнить и разграничить слагаемые <...> целого» [Маркович 2023: 19, 22, 27]. В идейной структуре романа Татьяна символизирует всё устойчивое — от народной этики до романтического идеала единственного

⁴ См. об этом: [Александрова 2021: 96–97, 445–449].

любовного чувства, Онегин же воплощает беспокойство духа. Если в художественно-философском умозрении противоположности диалектически связаны, то люди (персонажи) как выразители бытийной антиномии горячо нуждаются друг в друге, но *жизнью расходятся* (позволим себе прибегнуть к емкой толстовской формуле). В итоге герой Окуджавы с горечью признает таинственный жизненный закон, своего рода «онегинское заклятье», наложенное на него самого («Я ведь бродяга» [358]) и на Веру, следующую путем Татьяны: «Может быть, она и правда ждет меня?.. Никто меня не ждет... Всё идет своим чередом. Спокойно. Ничего непредвиденного не произойдет» [349].

Принцип антиномии обусловил саму поэтику женского образа. Вера предстает объектом догадок и фантазий персонажа-рассказчика: «Что она думает о себе?» [307]; «Чему я успел научить ее за несколько месяцев? Читать стихи нараспев?» [319]. Созидать новую Татьяну он может только в качестве мечтателя, сохраняющего по отношению к ученице безупречную, хотя и вынужденную «педагогическую» дистанцию. Воображаемое тождественно реальному: на протяжении всего рассказа о Вере ничто не диссонирует с идеалом; именно безнадежная любовь дает ее личности такую благородную огранку.

В ситуации, подобной любовному наваждению Онегина («...и у окна / Сидит *она*... и всё *она!*...»), идеальный статус героини утверждается наглядно. Образная связь с луной как прием напоминает о «селенологии», поэтизирующей Татьяну [Янушкевич 2004], но Окуджава обращается к иным, нежели Пушкин, граням лунной семантики, «развеществляя» женский образ:

За черными стеклами медленно поднимается луна. Она движется очень заметно. Она приближается. Я сижу боком к окну, но я хорошо вижу, как она плывет по зимнему ночному небу. <...> Бледный круг ее движется наискось через всё окно. <...>

<...> луна добирается до верхней планки и застывает неподвижно. Слегка скосив глаза, я вижу это... **Я отчетливо вижу сомкнутые ее губы, лоб... Я поворачиваю голову, и луна уносится в мировое пространство.** И уже ничего нет, только — черное стекло [324].

Вполне земная деревенская девушка предстает столь же далекой, как Прекрасная Дама, прообраз героинь окуджавской лирики [Александрова, Мосова 2018]. Такое «инобытие» пушкинской Татьяны знаменует универсализацию *милого идеала*.

Позднее в «Считалочке для Беллы» (1972) Окуджава наделит Пушкина и Лермонтова общей мечтой о *Ней*, смягчив надмирную «лунность» образа эпитетом, принадлежащим *Татьяне милой*:

...Но когда над Летним садом
возносила луна,
Михаилу с Александром,
верно, **грезилась Она.**
<...>

И загадочным и милым
лик Ее сиял живой
Александр с Михаилом
перед пулей роковой.

[Окуджаву 2001: 342]

К ранней повести восходит и полемическая линия творчества Окуджавы. За иронией по поводу школьной («суровой») версии образа Татьяны угадываются зоны напряжения в диалоге с самим Пушкиным. Проведя Веру путем пушкинской героини, автор остался чужд поэтизации ее самоотречения. Отсюда инверсия судьбы Татьяны (с прямым указанием на отвергнутый «образец») в истории главной героини «Путешествия дилетантов» (1977) и парадоксальное применение формулы *русская душою* в романе «Свидание с Бонапартом» (1983). Но даже в полемике писатель исходит из определяющего значения своих пушкинских впечатлений: «Творчество Пушкина не просто оказало на меня влияние — оно меня создало» [Окуджаву 1987: 28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова М., Мосова Д. Блоковская традиция в лирике Булата Окуджавы. М., 2018.
2. Александрова М. Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке». М., 2021.
3. Васильева Е., Козлова А. «Тургеневские девушки»: социально-педагогические манипуляции loci communibus произведений И.С. Тургенева в советской и постсоветской культуре // Шаги / Steps. 2016. Т. 2, № 4. С. 173–203.
4. Волгин И. Белинский как миф // Медиаскоп. 2011. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/924> (дата обращения: 29.07.2024).
5. Маркович В. О Пушкине. Работы разных лет / Под ред. Е. Григорьевой. СПб., 2023.
6. Окуджаву Б. Он вошел в нашу жизнь: в связи со 150-летием со дня гибели Пушкина // Наука и жизнь. 1987. № 2. С. 28.
7. Окуджаву Б. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1989.
8. Окуджаву Б. Стихотворения. СПб., 2001.
9. Павловец М. «Татьяны милый идеал»: Советский и постсоветский школьный литературный канон как палимпсест // Новый мир. 2019. № 2. С. 145–153.
10. Полонский Г. Доживем до понедельника. М., 1970.
11. Поспелов Н., Шаблювский П. Русская литература: Учебник для VIII класса средней школы. М., 1939.
12. Эйдельман Ю. Дневники Натана Эйдельмана. М., 2003.
13. Янушкевич А. Луна // Онегинская энциклопедия: В 2 т. / Под общ. ред. Н. Михайловой. Т. II. М., 2004. С. 60–62.

REFERENCES

1. Aleksandrova M., Mosova D. *Blokovskaya traditsiya v lirike Bulata Okudzhavy* [Blok tradition in Bulat Okudzhava's lyrics]. Moscow, 2018. 168 p. (In Russ.)
2. Aleksandrova M. *Tvorchestvo Bulata Okudzhavy i mif o "zlotom veke"* [Bulat Okudzhava's work and the myth of the Golden Age]. Moscow, 2021. 592 p. (In Russ.)
3. Vasilyeva E., Kozlova A. "Turgenevskiye devushki": sotsial'no-pedagogicheskiye manipulyatsii loci communibus proizvedeniy I. Turgeneva v sovetskoy i postsovet-skoy kul'ture [Turgenevian girls: socio-educational manipulations of common places from Turgenev's works in Soviet and post-Soviet culture] // Shagi / Steps. 2016. Vol. 2, No 4, pp. 173–203 (In Russ.)
4. Volgin I. Belinsky kak mif [Belinsky as a myth]. *Mediascope*. 2011. No 4 [Electronic resource] URL: <http://www.mediascope.ru/node/924> (accessed: 29.07.2024) (In Russ.)
5. Markovich V. *O Pushkine. Raboty raznykh let* [About Pushkin. Works from different years]. St. Petersburg, 2023. 351 p. (In Russ.)
6. Okudzhava B. On voshel v nashu zhizn': v svyazi so 150-letiyem so dnya gibeli Pushkina [He came into our life: on the 150th anniversary of Pushkin death]. *Nauka i zhizn'* [Science and life]. 1987. No 2. P. 28 (In Russ.)
7. Okudzhava B. *Izbrannyye proizvedeniya: V 2 t.* [Selected works: In 2 vol.]. Vol. 2. Moscow, 1989. 414 p. (In Russ.)
8. Okudzhava B. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, 2001. 712 p. (In Russ.)
9. Pavlovets M. "Tatyany milyy ideal": Sovetskiy i postsovetkiy shkolnyy literaturnyy kanon kak palimpsest ["The dear ideal of Tatiana": Soviet and post-Soviet school literary canon as palimpsest]. *Novyy mir* [New World]. 2019, no. 2, pp. 145–153 (In Russ.)
10. Polonsky G. *Dozhivem do ponedel'nika* [Let's Live Until Monday]. Moscow, 1970. 112 p. (In Russ.)
11. Pospelov N., Shabliovskiy P. *Russkaya literatura. Uchebnik dlya VIII klassa* [Russian Literature. School textbook]. Moscow, 1939. 344 p. (In Russ.)
12. Eydelman Y. *Dnevnik Natana Eydelmana* [Nathan Eydelman's diaries]. Moscow, 2003. 496 p. (In Russ.)
13. Yanushkevich A. Luna [Moon]. *Oneginskaya entsiklopediya: V 2 t.* [Onegin Encyclopedia: In 2 vol.]. Vol. II. Moscow, 2004, pp. 60–62 (In Russ.)

Поступила в редакцию 09.08.2024

Принята к публикации 17.12.2024

Отредактирована 10.01.2025

Received 09.08.2024

Accepted 17.12.2024

Revised 10.01.2025

ОБ АВТОРЕ

Александрова Мария Александровна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник МНИЛ «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации» НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, nam-s-toboi@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria Aleksandrova — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, International Research Laboratory of Basic and Applied Aspects of Cultural Identification, Linguistics University of Nizhny Novgorod (LUNN), nam-s-toboi@mail.ru